

Город, названный МОИМ ИМЕНЕМ

A romantic couple is shown in silhouette, embracing and kissing under a glowing, golden umbrella. They are standing in a shower of golden sparks or confetti that falls from the top right corner, creating a dreamy and romantic atmosphere. The background is dark, and the ground is illuminated by the light from the umbrella and the falling sparks.

Сергей Базаров

Сергей Базаров

Город, названный моим именем

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Базаров С.

Город, названный моим именем / С. Базаров — «ЛитРес:
Самиздат», 2017

Когда безымянный художник, потерявший память, знакомится с человеком в маске, он становится инструментом для реализации его идеи о новом мире. Осознав, что он участвует в планах по порабощению, художник ставит для себя цель остановить запустившийся механизм. Узнает ли главный герой, почему человек в маске выбрал именно его? И что скрывает за собой забытое прошлое?

Глава первая

Все началось два года назад, когда я впервые открыл глаза. Первое, что я увидел, – это белый потолок. В моем случае я должен был назвать его «мамой», но промолчал. Мне хотелось слышать голоса, слышать чьи-то шаги, но отсутствие этого намекало на то, что я один. Никакой радости, как это обычно бывает при «рождении» человека. Трескающаяся известь, напоминающая о головной боли, мерзко дрожащий гул приборов, первый сознательный вдох. Таких как я называют «бесцветная краска на кисти истории». Все, что я накопил, все мои лабиринты памяти, дремали серым хламом под ногами пустоты. Пустота... Необъяснимое чувство, ты открываешь глаза, а вчера тебя не было, не было вселенной. Лишь вспышки с белыми лучами света по краям: холст... испачканные краской руки... номер машины «5946»... женская шея, запах духов... белый потолок больницы... Похоже, это единственное, что я мог вспомнить на тот момент. Место, где я лежал, было отделением психоневрологии в клинике «Подсознание». «Подсознание» находилось в городе Тит. Основателями Тита была молодая пара, Раймонд и Патриция Браун. В настоящее время город огорожен высотными бетонными стенами. За его пределами никто из ныне живущих не был.

– Ну, наконец-то, – подумал я, когда мы пересеклись взглядом.

В одной из стен находилось огромное окно, ведущее в соседнюю комнату. Я долго смотрел, как медсестра пьет кофе и всматривается в телевизор. Она как раз делала глоток бодрящего напитка, когда заметила, что является объектом моего наблюдения. Рука дрогнула, и кофе вылился ей на грудь. С криком вскочив, она стала бить по халату в надежде подчинить себе очаг дискомфорта в виде темного горячего пятна капучино. Меньше минуты, и дверь распахнулась. Волнуясь, сестра спросила: хорошо ли я себя чувствую? Я сказал, что болит голова, хотя еще ломило ноги и спину. Девушка убежала за врачом, а я подумал о своем голосе, он звучал тем же тембром, что и мысли в моей перебинтованной голове.

Окружающие предметы, события, люди, да и я сам, часто кажутся мне нереальными. На одном из сленгов ощущение нереальности называют «дереализацией». Это действительно необычно, когда тебе 25 лет, а ты впервые узнаешь, как выглядишь. Мы стояли в конце коридора, где висело большое зеркало, и рассматривали друг друга. Отражению я показался немного другим, чем оно себе меня представляло, это было заметно по его легкому испугу от удивления.

Темные волосы, впалые карие глаза.

Мое дыхание постепенно материализовалось в холст на зеркале.

Средний нос, слегка полноватые губы.

Света почти не было, и казалось, я видел, как мои медленные выдохи переносили ДНК на стекло. Память предков двигалась в зеркальном мире, перенаселяя судьбы.

Уши слегка топорщатся в стороны, сантиметром влево и сантиметром вверх от губ маленькая родинка.

Зеркало создавало иллюзию длинного коридора, как будто можно шагнуть дальше ограничений реальности.

Телосложение среднее, лицо бледное, взгляд туманный, щеки впалые.

Влажный холст становился обширней и жирней, мало кто удержался бы не почеркнуть на нем пальцем. Над зеркалом висели белые круглые часы, стрелки указывали на 11:45. В зеркальном мире они шли бы в другую сторону, и я нарисовал то, что рисует. Я думал о нереальности, впервые смотрел на свое отражение, дышал на зеркало и рисовал то, что рисует, – часы, идущие в обратную сторону.

Пока стрелки отматывают время назад, я хотел бы обратиться к тебе, с просьбой вспомнить вчерашний день. Он состоял из кратковременных эмоций или, же ухватившись за печаль,

радость, в отведенное ему время держался за них до последней секунды? Остался незамеченным, присоединившись к другим неприметным дням, или же принес с собой событие, которое ты будешь помнить до конца дней? Ты достиг своей цели или снова пал на колени? Встал на верный путь или же повернулся спиной к призванию? А может, ты просто блуждаешь в лабиринте, где нет выхода? Этот день никогда не вернуть. Единственный способ изменить будущее прошлое – это поменять настоящее, потому что в будущем настоящее станет прошлым. Твой день мы вспомнили, а теперь давай вместе погрузимся в один промежуток моей жизни, что изменил мою судьбу. Тем более стрелки нарисованных мной часов уже отмотали нужный нам момент.

Имея умеренно медленный темп воображения, ты на мгновение можешь оказаться лежащим на мокром асфальте пустой улицы. Закрытыми глазами смотришь в пасмурное небо. Сейчас полдень, но вокруг никого нет. Дождь временно заканчивает свой путь, разбиваясь о твое лицо. На тебе короткое черное пальто, оно испачкано землей и твоей кровью. Один, мокрый, грязный и сбитый с пути, но тебе это неважно... Ты дышишь забвением. Если б сознание не покинуло тебя, крик от боли заполнил бы часть квартала, но ты спишь, и вокруг тишина. Ворчливый ветер развеивает твой белый шарф и мокрые волосы, желая смести тебя подобно другому мусору с отведенной ему территории. На левой руке разбитые, а посему остановившиеся часы, в сжатом кулаке букет алых роз. Через пронзившие твою ладонь шипы цветы стали частью твоего тела, они умирают подобно тебе, сливаясь с размытой кровью, идущей из-под головы. Тебе неважно... Ты дышишь забвением. Пасмурное небо, пустые каменные улицы, запах мокрого кирпича, прилипающей пыли и исчезающие выдохи выхлопного газа. Главное событие этого дня заставляло тебя спешить. Ты репетировал, что сказать, бормоча под нос несвязанные фразы, нес цветы и поглядывал на часы. Он спешил еще больше, набирая обороты, и ограничители скорости не давали поводов сбавлять газ. Улица была пуста, в голове крутились красивые слова, и ты даже не подумал оглянуться, переходя дорогу. Улица была пуста, время уходило, и он включил четвертую передачу. Ты не успел бы отскочить и вместо попытки отойти впал в ступор. Он не успел бы затормозить, и адреналин сократил мышцы так, что педаль газа прижалась к полу. В такие моменты время ускоряется, словно желает скрыть подробности, вот ты стоишь, не дыша, а вот лежишь на асфальте с пробитой головой. Запах выхлопа, плавающие цифры «5946», немой крик, усиливающаяся боль, сжимаешь розы, не смотря на иглы. Вдали слышно, как горят шины, как будто на месте, еще мгновение, рывок, ревущий двигатель, мнущийся металл, глухо трескающееся стекло. Шум аварийной сигнализации медленно уходит в тишину, свет – в темноту, мучавшая боль – в спокойствие, в забвение.

Каким ты был в своем воображении, таким меня и нашли. Я лежал недалеко от «Подсознания», туда же и был доставлен. Ни документов, ни родственников, ни прошлого. *«Утрата памяти о собственной личности и событиях прожитой жизни без других когнитивных нарушений при сохранении формального интеллекта, общих знаний и профессиональных навыков».*

Это все, что нарисовали нарисованные мною часы на зеркале, с каждой секундой исчезающая, стираясь, подобно моей памяти. Мне 25 лет, и я сбит самоубийцей. Был седьмой день в клинике, но лишь минуту назад я узнал, как выгляжу, и от того задумался о нереальности, задумался о своей беспомощности, воссоздав фрагмент прошлого. Я – одна песчинка в стеклянном сосуде формы бесконечности, я, как и все, плыву вниз, отсчитывая время. Последняя единица, падающая сверху, сейчас на вершине, но когда придет тот, для кого мы созданы, и перевернет нашу планету вверх дном, песчинка на вершине первая из всех упадет на дно, а тот, кто ранее был на дне, вдохнет совершенную свободу.

Моя палата номер 9. Здесь не одевают смирительные рубахи и не запирают двери. Здесь лечат нашу уникальность. В палате нас четверо, но официально – трое: четыре личности, три

тела. Джефф Элиут прибыл дней через 10 после меня. Рик Фримен и Браин Олди тут уже давно. И я, мое имя неизвестно.

Палата наша достаточно светлая. Это из-за большого пластикового окна, что своим добродушием привлекает теплые эмоции солнца днем, а ночью слушает рассказы об одиночестве, оранжевых фонарях и мраморной принцессе в небе. Стены в нашей обители теплого фиолетового цвета. Это не покрашенный дешевой краской бетон, а ровненько наклеенные моющиеся обои. На полу не потертый и заплатанный линолеум, а четко выложенный мозаичный паркет цвета клена. Потолок обычный, побеленный. Люминесцентный неустоляющий свет. Кровати не скрипят, матрац не мягкий, но и не слишком жесткий, спинки круглые цвета ореха. Маленькие тумбочки с абажурами, общий шкаф и письменный стол. Раз в неделю делают дезинфекцию и выдают чистое белье. Помимо этого, в клинике есть бассейн, тренажерный зал, кабинеты с различными музыкальными инструментами и моя любимая комната для рисования. Пациенты крайне разнообразны. Некоторые очень требовательны, а некоторые совсем неприхотливы, как, например, единственный в клинике коматозник, лежащий в 6-ой палате.

Я очень часто смотрю в окно, размышления об увиденном дают мне лучше понять себя. Мы на третьем этаже, и открывающаяся панорама достаточно разнообразна. Не так далеко можно увидеть спокойную реку с лениво болтающимися по волнам чайками и рыбаками на берегу. Ближе моему взору открывается парк с длинной аллеей. Сейчас осень, и он особенно красив в своем золотом одеянии. Прогуливающиеся люди любят падающими листьями, наслаждаются свежим воздухом и музыкой одинокого скрипача. Он часто стоит там в длинном пальто, белых перчатках и треснувшей протезной маске на лице. Играя для влюбленных, спрятавшихся под зонтом от дождя, грустную музыку. Веселую, когда они освещены солнцем, подобно лучу любви с неба. На лавочках сидят пожилые люди и размышляют о прожитой жизни, о невзятых вершинах и радостных моментах, которые не вернуть.

В «Подсознании» очень хорошие условия для проживания, и большинство пациентов не очень стремятся выписываться. Любому заточению предшествует одиночество, а одиночество приносит мучение и большинство готовы всю жизнь прожить в мучениях, чем сделать один шаг в неизвестную свободу!

Образовавшиеся звездчатые снежинки из-за низкой плотности падали очень медленно, и мне особо любо наблюдать, как они ложатся на твои длинные ресницы.

– Не волнуйся, я положу их, что б ты не моргнула, ты даже не заметишь... вот так...

Я не слышал красоту звучания восьмой ноты, зато точно знаю, как оживить 24 неоновых пицилий в кристально чистой среде обитания.

Я полощу кисть...

– Хорошо, сейчас мы осветим тебя теплым взглядом одинокой луны, это придаст больший окрас твоему ожиданию...

В нашей кухне три основных цвета: красный, синий и желтый. Все остальные цвета состоят из этих трех. К + С = фиолетовый, С + Ж = зеленый, Ж + К = оранжевый, К + С + Ж = коричневый, для оттенков добавляй белого или черного.

Вода бултыхается, я полощу кисть...

– Нет, нет, не моргай, представь, как снежинки тебя шекочат, изобрази легкую улыбку, да и смотри чуть вправо. – Длинные волосы с чуть кудрявящимися кончиками темно-коричневого цвета с оттенками рыжего аккуратно лежат на нежных, шелковых плечах. Открытый лоб. Круглое, свежее личико, словно орошенное каплями росы, взятыми теплым утренним ветерком с алых лепестков роз. Вся глубина карих глаз наполнена любовью к миру, но в то же время виднеется отголосок печали. И теплая улыбка, в присутствии которой распускаются цветы, а птицы начинают напевать свои симфонии.

Стаканчик звенит... вода бултыхается... я полощу кисть...

– Давай ты облокотишься на рядом стоящее дерево... ага... не бойся запачкать свою белую шубку, да, вот так, слегка касаясь...

Мне дали возможность заниматься два раза в неделю, и я не упускаю такой шанс. Зачастую я пишу портреты тех людей, которых никогда не видел, как и эту девушку, что сейчас оживает на холсте. Возможно, это отголоски моих воспоминаний, что тянутся за мной из прошлой жизни, или же просто воображение. В голове я могу создавать уже готовую композицию со всеми нюансами, а потом срисовать ее на полотно. Даже если ты потерял память, как в моем случае, ты не забудешь, как писать или читать, как застилать постель или водить машину, я же не забыл, как смешивать краски.

– Так, девушка, свет луны, снежинки... м-м... добавим чуть-чуть звезд... Готово, осталось вдохнуть в тебя жизнь! – я положил усталую и мокрую кисть на стол и, подставив ладонь к губам, подул на картину, подарив ей частицу себя, частицу живого.

– Твое имя будет Ноозика, – обратился я к нарисованной мною девушке. Да, назовем эту картину «Ноозика в ожидании счастья».

Я написал название снизу в правом углу и поставил автограф. В клинике я много рисую и знаю, что в лучшем случае она будет висеть дома у кого-нибудь из медперсонала, закрывая дыру в обоях, а в худшем – продается прямо с уличной выставки. Мне же, естественно, скажут, что ее передали в детский дом для повышения так сказать творческого потенциала у детей.

Возьми чужую каплю и через некоторое время захлебнешься в океане.

Глава вторая

В палате нас трое.

– Вы никогда не задумывались, по какой причине мы тут находимся? Возможно, кто-то пожелал сделать нас немыми? – рассказывал нам Джефф Элиут. – Что, если потеря нашего «я» – чья-то идея?

Любопытная теория, после таких слов невольно задумываешься, что ты особенный среди тех, кто за окном.

Джефф часто ищет закономерности в своем пребывании в «Подсознании». Никто не знает его прошлого. Официально он получил проникающее ранение мозга во время фехтовального поединка. Рапира прошла через нос и повредила левое дорсомедиальное ядро таламуса, это очень маленький участок мозга. Случай – один на миллион, или, говоря откровеннее, единственный. С тех пор большинство новой информации с трудом усваивается и редко откладывается в долговременную память Элиута. *«Неспособность к усвоению нового материала, особенно вербального. Пациент быстро забывает списки слов или связанную прозу, но в то же время хорошо запоминает лица и определенные места в окружающем пространстве».*

Как то раз к нам зашел доктор Роберт с двумя экспертами и попросил Джеффри запомнить некое число «363».

– Мы зайдем через 20 минут, и вы должны будете сказать нам это число.

По истечении указанного времени и повторного появления заместителя главного врача, доктора Роберта Коллинза, испытуемый резко вскочил, торжественно и уверенно произнес:

– Извольте вас уразуметь, белые люди, я без страха могу заявить, что знаю секретный код. Он аккуратно подошел к врачу, оглядываясь по сторонам, и шепнул:

–363.

Тогда я впервые увидел, как горят его глаза от восхищения самим собой. Возможно, Джефф тогда думал, что передал очень важное число и так справился с доверенной ему миссией запомнить его.

Он медленно и высокочтимо поклонился, вырисовывая рукой дугу по воздуху, остолбенел на мгновение, упал на пол, смотря в щель меж досок, и крикнул, касаясь пола губами:

«363»!!! Доктор Роберт тогда записывал все, что делал взъерошенный пациент. Когда тебя считают психом, ты невольно начинаешь соответствовать своему имени. Особенно это ярко выражается в присутствии медперсонала.

Когда врач перебил вопиющего Элиута вопросом, как ему удалось запомнить число, тот мгновенно замолк, встал, отряхнув колени, выпрямился, наполнив себя воздухом, и с гордостью рассказал свою стратегию:

– Здесь все просто, нужно запомнить цифру 6, она посередине, общая сумма чисел $3 + 6 + 3$ равна 12, отнимем от этого числа ту цифру и получаем 6, делим ее на два оставшихся числа и получаем 3 и 3, ну а посередине у нас все та же 6.

Джеффа здесь прозвали «кратковременный философ», это потому, что он запоминает всего на 20-30 минут. Вот наш великий Джеффри Элиут! Беспокойная ходьба, меняющаяся неслышимым присутствием, растрепанные волосы, несмолкаемые откровения, самопознание.

– Ну-с, правильно, Роб?

– Несомненно, – с акцентом утвердил худощавый врач, ткнув пальцем себе в бейджик с надписью «*Заместитель главного врача, доктор Роберт Коллинз*».

– Ой, простите, простите заместитель, я, ведомый эмоциями, я всего лишь шарик, развязав который вы увидите, как он будет шуметь и летать по комнате.

Врач, закончив записи, развернулся и, уходя, спокойно сказал: «Несомненно».

Элиут секунд пять смотрел на захлопнувшуюся дверь, после чего сел на подоконник и молча глядел в окно. Когда доктор зашел в третий раз, по прошествии 7 минут, кратковременный философ уже не мог вспомнить ни число, ни все, что происходило.

«...Что, если потеря нашего «я» – чья-то идея?» Любопытная теория, после таких слов невольно задумываешься, что ты особенный среди тех, кто за окном. Джефф вел дискуссию с Риком Фрименом, а я сидел на подоконнике, смотрел сквозь запотевшее окно и размышлял о чем– то своем: «Смотря на белый островок мечтанья, рисую образ на холсте дыхания».

В это утро они много спорили, это потому что с нами был Рик, а не Браин. Браин очень дружелюбный и всегда поддерживал Элиута, но сегодня был Рик. Он отправлял эмоции, выраженные в виде слюны, в сторону кратковременного философа, громко кричал и властно жестикулировал:

– Ты попал сюда лишь потому, что оказался в нужное время и в нужном месте, но не той личностью, которая бы смогла выдержать пересечение этих двух стихий!!!

Джефф тоже стал кричать и уже находился в пространстве дыхания Рика:

– Не той личностью? Что мне... мое мировоззрение строится от размера моей клетки!

Спор дошел почти до драки, как к нам постучалась медсестра и позвала меня на обследование.

Обследования проходят каждый день, кроме воскресения. Сегодня четверг, и меня ждут слайды с изображениями животных, растений и известных людей. На запоминание одной картинки дают две секунды, потом их перемешивают с другими и показывают снова. Нужно сказать, какие мне уже показывали на первом этапе. Я прошел десятки письменных и практических тестов, освоил чтение зеркального текста, обследовался у всех врачей.

«Кожные покровы чистые, обычной окраски, опорно-двигательный аппарат без видимой патологии. В легких дыхание везикулярное по всем полям, хрипов нет...»

Электроэнцефалограмма, в своих кругах мы называем ее «Шапка Мономаха» – тебе на голову надевают шапочку, сплетенную из проводков и присосок, на руки цепляют прищепки, синюю и красную, и сажают в маленькую темную комнатку. Сзади что-то жужжит, меняя темп и громкость, а спереди, в левом верхнем углу, мигает лампочка, с разным промежутком вспышки и затухания. Компьютер в это время анализирует твою реакцию на внешний раздражитель.

«...Сердечные тоны ясные, ритм правильный, ЧСС – 76 уд./мин., АД – 130/80 мм рт.ст. Живот мягкий, безболезненный. Очаговой и общемозговой симптоматики не выявлено. Менингеальных знаков нет...»

Решение элементарных уравнений и примеров, вопросы по общей биологии, истории и географии. Кляксы, и мнение о них. Рассуждения на темы жизни в обществе, законов и правил поведения.

«...Пациент осмотрен неврологом, травматологом, окулистом. Выполнена рентгенография черепа в двух проекциях ...»

Задача с ханойской башней в 31 ход. Сейчас мне с ней попроще, чем в первые разы. Нужно перенести пять кружков разного диаметра с колышка А на колышек В так, чтобы они расположились в том же порядке. В процессе решения можно использовать промежуточный колышек Б, при этом запрещается класть большой кружок на меньший или перемещать нижний кружок, не трогая верхний.

«...Поведение больного адекватно. Острой психотической симптоматики нет. У пациента отсутствует память о собственной личности и событиях прожитой жизни, без других когнитивных нарушений при сохранении формального интеллекта, навыков по самообслуживанию, общих знаний и профессиональных навыков. Доктор Р.К.»

На сегодня мои тесты закончились средней оценкой, равной баллам здравомыслящего человека, но от этого не лучше. Прошел 21 день моего пребывания здесь, но я так ничего и не вспомнил, ни фрагмента своей прошлой жизни.

К моему удивлению, вернувшись в палату, я застал умиротворенную беседу Джеффа и Браина, а не эмоциональный спор Джеффа и Рика. Браин сидел на том же месте, где еще полчаса назад был диктатор Фримен. При первом знакомстве может возникнуть неурядица, но позже все встает на свои места. Рик Фримен и Браин Олди – это один и тот же человек. В прошлом директор крупной фирмы. Он взял себе в жены психически нездоровую девушку.

– Что бы ты ей ни сказал, во сколько бы ты ни пришел, она всегда улыбается! – говорит Рик.

– Она не задает лишних вопросов и не устраивает скандалов, а это главное для меня! – говорит Браин.

Его работа была очень напряженной, так что он практически всегда был в стрессе и депрессии. Однажды, выйдя из дому, на лестничной площадке Рик споткнулся об кота, которого завела его жена, и упал вниз по лестнице, так появился Браин. Или это Браин упал и появился Рик, неясно, каждый из них говорит по-разному. Они знают о существовании друг друга, и каждый уверяет, что именно он настоящий. Ночью Браин раздевается до гола и идет спать в умывальню, на утро там просыпается ошарашенный Рик. Рик по ночам начинает шуметь и бегать по коридору, и его сажают в комнату изоляции, поутру там проснется Браин. Война с самим собой. У них одно тело на двоих, но думают они по-разному. Один агрессивный, другой всегда на позитиве, иногда кажется, что и произношение слов отличается.

Когда я вошел в палату, для приличия Рик спросил, как прошли обследования, я ответил, что как обычно. В моем голосе, скорее, звучали отголоски усталости, чем отчаяния или же усталости от отчаяния. Я прошел мимо них и лег на свою кровать, что слева от окна. Джефф и Рик, решив, что я хочу поспать, тихонько ушли. Я не видел их, и поэтому они уходили, как пожелало мое воображение. Настала тишина. Потолок сжимал мое биополе, а тучи за окном мчались в неизбежность, унося мои надежды на пробуждение памяти. Я б мыслил иначе, если б знал, что будущее чего-то ждет от меня, но в праве ли я давать ему надежды, если не знаю, к чему стремиться? Мне не хотелось быть мыслящей оболочкой, и я впервые пожелал ощутить эмоции снежинки от своего единственного свободного полета, упасть на нос любому прохожему и рассмешить его, но меня растирали рукавом, бубня что-то неприятное. Хотелось стать ветром, теплым ветром, парящим над городом, оживляющим деревья и целующим прохожих,

развевая их волосы, но они закрывались шарфом и поворачивались ко мне спинами. Мне хотелось сбросить бремя, тянущее к земле, пролетев сквозь фрески неба, встать на лунный грунт и смотреть на нашу планету. Увидеть необъятность всей красоты ее существования, теплоту, дыхание жизни, но видел я плоть, издробленную атомными спицами. Люди прокапывали кожу земли и клали в нее мертвых людей. Я видел, как они рвали душу планете металлическими шариками, чтобы смотреть телевизор и слушать радио. Как сладостные, теплые лучи, освещающие Землю, променяли на мертвое вольфрамовое солнце. Как люди поклонялись портретам и истинно верили, что кусок воска очищает грехи. Слышал, как подлунный мир кашляет от выхлопных газов, а придуманное время изменило принцип вечности. Видел, как живой источник перекрашен в цвет мазута и как люди пляшут под негативные вибрации. Мне хотелось быть чем-то другим, вдохнуть воздух, но увиденное еще больше угнетало, ложилось на плечи и тяжестью своей давило вниз, вдавливало в реальность, где я, как и прежде, брошенный судьбой и объятый одиночеством на мягкой кровати цвета ореха, третьего этажа клиники.

Резко проснувшись от случайной дремы, я почувствовал дереализацию.

Пульс в висках стал стучать подобно глухим стукам колес поезда, я чувствовал, как кровь разгонялась по всему телу и разбивалась об них, как волна об скалы. Слух мой усилился втрое, и звуки за окном пещерным эхом отражались от стен палаты. Голоса людей, детский смех, шепот, взмахи крыльев птиц, ревущий двигатель – все смешивалось в грязный шум, но в то же время разбивалось на отдельные частицы. Я не заметил, как из лежачего положения перешел в сидячее. Звуки пронзали и побуждали мое воображение строить образы, ассоциирующиеся с ними. Из всех сил я сжал уши ладонями и лбом уперся в колени, настала вакуумная тишина, свои мысли я слышал отчетливее, чем когда либо, но, кроме них, я слышал плач девушки, мне казалось, что она совсем близко, что она плачет, глядя на меня. Другой голос, мужской, успокаивал девушку, говоря «успокойтесь, он выкарабкается... все будет хорошо». Открыв глаза, я убедился, что никого нет. Адреналин внутри меня все сильнее выплескивался прямо в сердце, вызывая жуткий страх, побуждающий к бегству в любом направлении. Резко вскочив с кровати, я выбил дверь плечом, вылетев в коридор, действия мои были бессознательны. Я замер, время остановилось, коридор был пуст, стояла тишина. Медленно двигаясь вперед и стараясь не дышать, я проходил мимо дверей палат, надеясь услышать жизнь по ту сторону. Серые стены, мерцание света и реверберационный стук моих шагов. Паника наполняла мою грудь, я открывал одну дверь за другой и не находил ни одного человека. Это похоже на сон, но со слишком реальным восприятием происходящего. Треск ламп дневного света, нарастающе открытые двери, время набирало обороты. Страх разрывал меня на части и сжимал одновременно, стены коридора копировали движения морской волны, гул в голове усиливался, подражая взлетающему самолету. Мои ноги ослабли, и я упал на колени, пространство размазывалось, и я кричал диким воплем, закрывая уши, тело становилось ватным, изменяя моей воле. Мне не хотелось умирать, так и не родившись, так и оставшись всего лишь чьим-то смутным воспоминанием. Сознание покидало меня, как бы я ни пытался сохранить секунды существования. Едва успев приоткрыть глаза, я отключился, рухнув на бетонный пол.

Я очутился в своем бессознании, там было тепло и спокойно. Кадрами киноплёнки мелькали разные образы. На них молодой парень подкидывает в голубое небо маленькую девочку лет четырех, она смеется, смотря ему в глаза, она называет его папой. Кадр останавливается на ее лице и оказывается на холсте, возле которого стоит все тот же парень и пишет этот портрет, пишет, как она смеется. Он не торопится, медленно выводя детали легкой рукой. Он макает кисть в алую краску, и кисть превращается в букет роз. Мы оказываемся на улице. Тучи сгущаются, дует ветер, моросит. Парень с букетом куда то спешит, поглядывая на часы. Он в черном пальто, шарф его белого цвета. Я иду сзади него и слышу, как он бубнит себе что-то под нос, теребя рукой красную коробочку в виде сердца, то вытаскивая, то складывая ее обратно в карман. Мое видение было расширено, и я увидел белую машину в соседнем квартале, несущуюся

с большой скоростью. За рулем сидел мужчина лет пятидесяти, в очках с толстыми линзами, на заднем сидении был еще кто-то, его я не разглядел. Парень, спешащий на свидание, уже лежит на асфальте после столкновения с этой машиной, он медленно пытается встать, но, потеряв сознание, падает лицом к небу. Пошел дождь. Только теперь, увидев его лицо, я понял. Этот парень – я. Я долго смотрел на то, как ливень умывает его лицо, но ничего сделать не смог. Мне нужно было догнать сбивших меня, чтобы разглядеть их лица. Я бежал по пустым улицам, еще мгновение, и я увижу тех, кто стер мне память. Я завернул за угол и остановился. Все безнадежно. Я не успел. Сигнализация созывала народ, а машина, наполовину смявшись об бетонную стену Тита, дымилась, подобно паровозу. Я подбежал ближе, но внутри автомобиля уже никого не было. Возможно, это был единственный шанс увидеть вершителя моей судьбы, и я упустил его. Упершись лбом в кулаки, лежащие на крыше, я шептал «упустил... я упустил их». Я бы скорбел дальше, если б не заметил, что дождя больше нет, сигнализация молчит, а воздух не смешан с дымом. С осторожностью подняв голову и открыв глаза, я не увидел света. Я был в темном помещении, поглотившем мой гнев. Я больше не думал о машине, я думал об этом месте, но не двигался. На какой-то момент я подумал, что было бы хорошо остаться здесь навсегда. Раздался приятный звон, где-то вдали поблескивал мельчайший элемент кристально чистого света, он был так далек, что дал понять мне, что я не в помещении. Это было безграничное пространство. Свет приближался все ближе и ближе, и я осязал его тепло, теперь и я освещаем. Я заметил, что в центре света виден силуэт девушки, она и излучает свет. Волосы ее развевались от не чувствуемого мною ветра. Она уже была на расстоянии руки от меня, свет не слепил и не обжигал, но скрывал ее лицо, как бы я ни старался разглядеть его. Мне не было страшно, я почувствовал себя, словно в родном, однажды потерянном доме. Девушка аккуратно провела рукой по моим волосам. «Если так выглядит жизнь после смерти, то я не жалею, что умер», – подумал я. Раздался ее голос, нежно неземной, родной и теплый, я мог бы слушать его вечность, но заслужил лишь три слова: «Вернись ко мне».

Только пробудившись, понимаешь, что ты спал. Слова девушки заставили меня проснуться. Открыв глаза, я понял, что лежу на бетонном полу в центре коридора. Неизвестно, сколько я пролежал, но я с трудом поднял голову, оставив след на полу от левой щеки. Кругом ноги. Это поселенцы «Подсознания». Они бегали и кричали, как обычно. Я огляделся. Похоже, мне повезло, в метрах пяти от меня стоял диван, и никто не соизволил на него сесть. Вперегонки со мной никто к нему не бежал, и я все же ощутил всю мягкость этого старого углового диванчика.

- Просыпаются воспоминания? – кто-то спросил меня спокойным, ровным тоном.
- Что? – ответил я машинально, слегка испугавшись, не поняв, кто со мной говорит.
- Прошлое разрывает? – также сдержанно повторил голос.
- А, да-да... прошлое... разрывает, – я все еще не пришел в себя от путешествия в забытую мною жизнь.

Голос, говоривший со мной, принадлежал парню лет 23-х. Я слышал о нем, но поговорить так и не довелось. Он каждый день стоял у окна и смотрел на все, что происходило по ту сторону, имя его Баз, но все называют его Создатель.

Глава третья

Создатель
«рассказ»

Я не перестаю повторять: совокупность всех, когда-либо живших, вся история человечества, равна времени одной мысли. Вряд ли я буду помнить о всем что знаю, когда вернусь в свою реальность. Не буду томить твои ожидания, все, что ты когда-либо слышал, видел, ощу-

щал, размышлял, придумано мною, или, говоря проще, окружающий тебя мир является плодом моего воображения. Для простоты общения обозначим некий термин: всех индивидов мы будем называть ХОСР – Художественный образ, созданный раздумьем, – а неодушевленные предметы, созданные ими, – последствием их существования. Ах да, извини, не представился. Я и есть Создатель, заточенный в ХОСРа с именем Баз, очень приятно. Род твоей деятельности мне известен, позволь чуть-чуть рассказать о своем. Вся музыка, живопись, архитектурные строения, научные разработки, культуры, нормы, правила, строения и города, созданы мною через ХОСРов. Вы являетесь чем-то вроде моих инструментов для созидания. Я понимаю, в это трудно поверить: в твоём мире на это потребовались года, в моём – мгновение, так как для тебя я вне времени. Возможно, ты слышишь обо мне впервые, а возможно и подозревал о моём существовании. Все ХОСРы – это единый элемент, связанный множеством нитей с Создателем. Каким бы ХОСР ни был, он имеет свойство создавать, это еще одна функция, делающая вас со мной одним целым, – создавать мир вокруг себя, начиная с переклеивания обоев и изменения внешнего мира, заканчивая реформацией ценностей всего поколения. Поделюсь с тобой секретом. Что бы что-то изменить, нужно довоображаться до этого. Подаренное мною воображение позволяет тебе выбирать разные материальные ценности, род деятельности, создавать то, чего еще нет, путешествовать, все обобщая проживать тысячи разных судеб. Ты даже не представляешь, какое оружие внутри тебя! Я знаю все про тебя, и в какой ситуации ты сейчас. Я рассматривал множество исходов твоего существования, начиная с каждой новой секунды отведенного тебе времени, и то, где ты сейчас, самое лучшее, что могло бы быть с тобой на данном этапе.

Из личных записей доктора Эдварда Чейза

Чуть больше месяца назад в нашу клинику поступил пациент с невиданным ранее мною видом шизофрении. Баз (это его имя) уверял, что он Создатель и придумал всех, как и меня, в своем воображении. Похоже, мне предстоит серьезно поработать, чтоб вытащить этого парня в реальность...

С виду пациент не похож на психически нездорового. Он образован, высокоинтеллектуален, хорошо разбирается в музыке, живописи, политике, владеет иностранными языками, знает архитектурное дело, обладает уникальной памятью, на всех тестах показывает 100%-ый результат, имеет мощный иммунитет, за все время недомоганий и жалоб не зафиксировано...

Никак не могу понять, в чем подвох! Баз искренне верит в собственные убеждения, продолжая настаивать на своем, притом, говоря о сотворении мира, я ни разу не замечал гордости в его голосе...

Из диктофонных записей бесед доктора Чейза с Создателем

Док: Итак, вы уверяете, что творец мира – это вы сами. Из любопытства не могу не спросить, почему бы вам тогда не стать каким-нибудь миллиардером или властителем всего мира?

Баз: Я не имею права выходить за рамки мышления ХОСРов. Если б я захотел стать, как вы говорите миллиардером, мне пришлось бы достигать этой цели, как и всем ХОСРамам постепенно, понимаете? Нельзя стать кем-то сразу, и это мой закон, действующий в этом мире, который отсекает все ненужное из жизни ХОСРа, фокусируя его на главном деле жизни. Если б все получали, что хотят, какое удовольствие было бы от существования? Разве были бы подаренные мною вам эмоции? Все стали бы эгоистами, а жизни их скучными. Поверьте мне, я уже рассматривал множество правящих законов и «закон уплаты цены» – самый эффективный. Он и мне служит как противовес возможностям, которыми я обладаю, иначе воцарит хаос, это я уже проходил.

Док: Уже проходил, интересно... Ну хорошо, мы тут одни, хаоса точно не будет, если вы продемонстрируете мне что-нибудь. Вот у меня, например, болит колено, исцелите его? Или сделайте что-нибудь необычное в моей жизни, в знак доказательства своих способностей.

Баз: Травма колена получена в результате падения с крыши собственного дома, исцелив его, вы снова ползете чинить пробоину и упадете, сломав шею. Поэтому пусть колено болит, оно сохраняет вам жизнь. А что касается необычного в жизни: у вас отличная работа, к которой вы так стремились, и положение в сфере вашей деятельности. Через два часа закончится рабочий день, и с улыбкой на лице вы пойдете к любимой жене, которая готовит сейчас ужин для вас и сына, он с нетерпением ждет отца, чтоб похвастаться хорошими оценками в дневнике, разве мало того, что я уже сделал для вас, Эдвард?

Слышен кашель поперхнувшегося врача и глотки воды.

– Или мне сотворить ваши любимые первосортные бананы из пустого места? По-моему, нет необходимости, бананы на столе с самого утра, вот они, кушайте.

Кашель продолжается.

Док: Нет, нет, ничего не надо! На сегодня все! Идите!

Из личных записей доктора Эдварда Чейза

*Ломая голову днями и ночами напролет, я сделал лишь один вывод: это новый отро-
сток шизофрении, я дам ему звучное название «Синдром Создателя»...*

*Вокруг База всегда собираются люди в поисках ответов, я и сам, честно говоря,
втайне восхищаюсь его мудростью и умением держать себя в руках...*

*Создатель каждый день стоит в коридоре и смотрит в окно, нельзя не заметить
одну странность: цветы, стоящие возле него, распускаются на глазах...*

*За годы обследования База я много раз ловил себя на мысли, что верю ему. Нет, я
ведь точно знаю, он сумасшедший, иначе и быть не может!! Или же все-таки может??
Что, если он действительно придумал меня??*

Из диктофонных записей бесед доктора Чейза с Создателем

Док: Мне долгое время не дает покоя один вопрос – как же ты оказался здесь, если этот мир в твоей голове?

Баз: Эдвард, а ты можешь представить себе такое место, где тебя нет? Давай повообра-
жаем. Вот представь себе огромную гору, а с нее видно весь свет, чувствуешь свое присутствие
там? Если б тебя там не было, ты бы ничего не увидел, понимаешь?

Док: Да, действительно. Твои ответы непредсказуемы. А вот как ты объяснишь кон-
фликты между людьми? Я хотел сказать ХОСРами. Зачем это нужно?

Баз: Любое взаимодействие между ХОСРами, не зависимо от того, хорошее оно или пло-
хое, служит для приобретения чего-то нового в жизни, для оставления ненужного, изменения
ошибок, судьбы, переосмысливания взглядов, вы становитесь мягче, рассудительнее... Победа
над, как вы говорите, проблемой, облегчит встречу с более сложной проблемой...

Док: Извини, я перебую, а почему не ставить нас на тот самый верный путь с рождения?

Баз: Если бы все было горячее, как бы ты узнал, что холодное? Это процесс совершен-
ствования. Каждый ХОСР вправе думать, что он сам выбирает свой путь, начиная с выбора
апельсинов или яблок, заканчивая выбором своей судьбы, не подозревая о том, что Создатель
запрограммировал твои предпочтения с утробы. Страх, боль, смерть – служат для безопасно-
сти ХОСРа, но отсутствие страха, перед потерей комфорта – основополагающая успеха! А пер-
вое действие всегда это – мысль, без нее ничего не начинается.

Док: А что есть мысль? Хотелось бы знать.

Баз: Представь себе склад нереально большого размера, который забит коробками, – это твоя память. В коробках все, что ты когда-либо воспринимал в физическом мире: линии, углы, эллипсы, кривые, материалы, формы, цвета, запахи, звуки и прочее, прочее. Чтобы собрать в своей голове, к примеру, маленький домик на опушке леса, потребуется множество деталей, раскиданных по этим коробкам. Это и есть формирование мысли, из отдельно взятых элементов уже увиденного, но собранного по другой схеме. Вот представь автомобиль, опиши его?

Док: М-м-м, ну, это джип, серебристого цвета.

Баз: А кто-то представил красный кадиллак, синий седан или белый хетчбек. Потребовались доли секунды, чтоб создать образ своего автомобиля и этих трех, которые я сказал, а в мире мыслей на это уходит уйма времени. Рассмотрим получше созданную модель авто, и заметишь, что на ней гораздо больше деталей, чем ты увидел в первый раз, если постараться, можно даже услышать, как работает его двигатель, слышишь? Теперь точно слышишь, потому что я на него указал. Ты говоришь, тебе хотелось бы знать, а сам все давно знаешь, зачем тогда спрашиваешь?

Док: Я бы не сказал, что знал это...

Баз: Ты знал, просто сейчас ты понял, что все это знал. Не зря же я придумал местечко в вашей сущности, где есть вся информация.

Док: Ну а почему она тогда скрыта?

Баз: А ты хочешь, чтобы все ХОСРы сошли с ума, в равной мере зная все? Новая информация не входит в ваш разум, она лишь вытягивает то, что уже есть, это что-то вроде ключа. Именно поэтому многие после заново услышанного, чувствуют, что раньше это знали. Вы обладаете нереальным банком знаний и ходите с закрытыми замками!

Док: М-да, невероятно... Что я еще хотел спросить... А вот, многие посещающие тебя люди и те, кто содержатся в нашей клинике, верят в то, что ты именно тот человек, который направит этот город в нужное русло.

Баз: Нет, я не тот человек, это должен сделать хозяин тела!

Из личных записей доктора Эдварда Чейза

За три года, что Создатель содержится в клинике, я так и не смог переубедить его в том, что все вокруг реальность и не зависит от его мыслей, скорее наоборот, он переубедил меня в обратном...

Сегодня мой последний рабочий день в «Подсознании».

Не буду вдаваться в подробности, одно лишь скажу: все движется к лучшему, по определенному плану Создателя! Сегодня он сказал мне: «Ты многое сделал, и я отпускаю тебя! Наслаждайся каждым мгновением своего существования! Ты ведь так много пропустил, променяв дыхание свободы на пыльный кабинет, и знай, хоть ты и ненастоящий, люди в моем мире будут помнить тебя как живого! Как счастливого доктора Эдварда Чейза!» И я верю его словам, я спокоен за завтрашний день, ведь он принадлежит моему другу Создателю, что каждый день смотрит в окно, наблюдая за своим творением!!!

Я был больным и был врачом, был стражником и беглецом, был основателем и разрушителем, наставником и учеником...

Любая раскрытая иллюзия, открывает видение основополагающих этой иллюзии. Как правило, вся суть становится ясной только в конце, но следы, оставленные здесь и сейчас, могут многое поведать о направлении пути того, кому они принадлежат.

Я был верой и был неверием, был мечтой и суетой, желанием умереть и убеждением жить, я был Светом... Светом для многих, надеждой утопающих...

Я шел прямо и полз на коленях, вдыхая пыль, я взращивал корни и собирал плоды, рождал и был рожденным, я был первым и стану последним, я тот, кто поставит точку, тот, кто будет точкой.

Я прожил множество судеб по отдельности и одновременно. Я знаю всех и знаю все про всех, потому что это мой мир, и я создал его таким, создаю прямо сейчас.

Я чувствую на себе твой взгляд. Твои глазные яблоки бегут слева направо... слева направо. Я вижу тебя, чувствую твоё дыхание, осязаю прикосновение. Мои мысли звучат в твоей голове, твоим голосом, твоё воображение под мою диктовку строит образы, ты отдаешь мне своё время, и это время продлевает мне жизнь.

Многие, очень многие укореняют в своей жизни идола с именем «память». Посвящают все своё время ей, трудятся на результат воспоминания, не выделяя благо настоящего. Они говорят: «Будет, что вспомнить», – акцентируя все своё внимание на фиксации каких-то моментов, а не наслаждении ими. Память отлично сохраняет хорошее и плохое, воспоминания об обычных днях, как правило, отсутствуют. Если вся жизнь состоит из череды воспоминаний, то большую её часть тебя не было.

Прошлого и будущего нет.

Прошлое – ушедшее ранее настоящее.

Будущее – обман, притупляющий восприятие нынешнего настоящего.

Через три секунды будет один момент... две... одна... вот он! В твоём настоящем. Ты ждал этого момента и потерял три секунды настоящего, теперь его нет, он перешел в мир прошлого: туманного, сонного, паробразного. Это жизнь многих. Ждут – теряя, приобретают – теряя. Не живут, а вспоминают. Не живут, а планируют.

Представь сейчас себя, стоящего на коленях, посреди безлюдной пустыни. Испепеляющее солнце, раскаленный желтый песок, «перекати-поле» бегущий от горячего дыхания ветра. Тебе тяжело дышать, твоё тело с последним усилием выделяет финальную капельку пота, ты умираешь от обезвоживания организма. В своей руке ты держишь до краёв наполненный холодной водой стакан, и это единственная оставшаяся вода на многие километры. Нелепая мысль, отрекающаяся от инстинкта самосохранения, и ты выливаешь содержимое стакана на землю. Стоп! Останови этот момент, я хочу, чтоб ты рассмотрел его повнимательней. Ты видишь, как жидкость медленно касается поверхности пустыни. Раскаленный песок трескается, разлетаясь в стороны, слышно шипение испаряющейся воды, она реинкарнирует в горячий пар. Ее уже не повернуть вспять, не перенаправить, не использовать по назначению. Эти миллилитры – твоё прошлое. Выше та вода, что между испаряющейся и той, что еще в стакане, – твоё настоящее. Она переливается бликами солнца, раскидывая по сторонам маленькие прозрачно-хрустальные капельки. Она целенаправленно движется в место своего видоизменения: в безжизненное, неощутимое, малозначимое испарение. Еще выше, последние остатки в стакане – твоё будущее. Оно беспрекословно отправляется в жизнь настоящего и смерть прошлого, под действием движения твоей руки. Ты вылил, растворил самое ценное, что было у тебя, и продолжаешь выливать ежесекундно. Выпей время, стань временем, встав с колен, и продолжай свой путь! Не стрелки секунд отсчитывают оставшееся время, а твои действия. То, что ты делаешь, – уникально, и никто не сможет повторить это в точности, не зависимо от того, хорошо у тебя получается или нет.

Ты творец! Не твори забвение этой истины!

Время насаждаться, время удобрять, время взращивать.

Когда реализуется моя мечта, я ни в чем не буду нуждаться.

Моя мечта, чтобы сбылись все мечты тех, чьи помыслы чисты.

Из заметок доктора Роберта Коллинза

Буквально неделю назад меня перевели в новую клинику «Подсознание». Пристальным объектом моих наблюдений тут же стал один пациент с чрезмерно развитой фантазией. Предыдущий врач назвал это явление «Синдром Создателя». Несомненно, данное имя заслуживает своего обладателя! Из истории болезни я узнал, что за годы лечения в этой клинике больной ни разу не отрекся от своих убеждений. Но я это исправлю, не зря же меня сюда направили. Я выбью всю дурь из этой умалишенной головы!!!

Коллинз

Глава четвертая

Глубокой темной ночью, когда спят даже фонари, она выходила на пустую одинокую набережную и танцевала. Для нее пел фонтан, что находился в центре импровизированной сцены, и пение его было слышно ей одной, и пение его посвящалось ей. Основным побудителем ее присутствия здесь всегда был дождь. Света почти не было, лишь блески дальних звезд и их отражение в каждой капле небесной воды давали возможность распознать образ девушки. Капли били по красным квадратным плитам и разбивались об лавочки в стиле классицизма, расплескивали темную гладь реки, становясь с ней единым, но не могли остановить девушку. Там, за моим окном, она продолжала танцевать, вымокнув до нитки, она продолжала сливаться с бесконечностью вселенной!

О своем путешествии в забытую жизнь я никому не сказал. Откровенные подробности моих видений моментально бы отстрочили мою выписку из клиники. Их приписали бы к ряду внезапных галлюцинаций, угрожающих окружающему обществу, мирно трудящемуся на благо человечества. Поэтому я не стал подписывать свой собственный приговор, на пару с ложью объяснив, что было душно, и за этим последовала потеря сознания. Пару осмотров, витаминка, и дело закрыто. Если я еще не сбился со счета, то прошло дней 30 с того момента, как спровоцированный страхом псих метался по коридору, выбивая все двери палат. За это время я окончательно поправился в глазах врачей, и мне обещали скорое освобождение.

– Вам выделяют комнату в общежитии, два раза в день вас будет навещать медсестра, – говорит мне врач. – Также вы будете получать пособие в размере прожиточного минимума, а дополнительные деньги...

– Дополнительные деньги я смогу зарабатывать, продавая свои картины.

– Да, верно, и подрабатывая уборщиком в этом общежитии.

Что может быть лучше! Я уже сотни раз прокручивал в голове эти сладостные моменты: я выхожу на крылечко клиники, а меня уже ждет машина. Она отвезет меня в мой новый дом, где я смогу полностью уединиться с холстом и своим воображением. Где не отключают свет после 11 и рядом никто не храпит. Где воздух не пропитан гидрохлоридом натрия, а пахнет чудным ароматом полевых цветов. Где я смогу сам выбирать, что сегодня есть на обед, а что на ужин. Где жизнь протекает под контролем моих действий, а эмоции не зависят от безумцев и их надзирателей. Раньше я пытался вспомнить прошлое, сейчас же понял, что умею мечтать о будущем. В моих глазах четко вырисовывалась картина созданной мною галереи уличных художников. Она станет стимулом для многих, а также основным этапом достижения карьеры. Посетители выставок смогут заказать картины у художников, чей стиль им более по душе, а работодатели предлагать престижные вакансии. Со временем я встречу очаровательную девушку, и мы создадим семью. Раз в три месяца мы будем вместе путешествовать по невиданным местам и наполняться новыми откровениями, новыми чувствами. Моя жена подарит мне дочку, и я посвящу ей все годы оставшейся у меня в жизни! У нас будет маленький уютный домик с видом на горы. Мечтал я... Собственный сад и бассейн под открытым небом. Каждое утро наша дочка будет выходить на свой балкончик и будить всех вокруг пением скрипки, птицы ей будут аккомпанировать, а легкий ветерок создавать объемный фон. Мечтал

я... А вечером, когда будет идти дождь, мы всей семьей соберемся у теплого камина, опустившись в уютные кресла, и будем делиться своими мыслями, планами, утопиями. Мечтал я, пока не появился он.

Его поселили в мою палату, вечером того же дня, когда выписали Браина и Джеффа. Увидев его в дверном проеме, мое дыхание остановилось, а на дно сердца упал тяжеленный кусок свинца. Сомнений нет, я десятки раз видел его по ту сторону своего окна, я десятки раз невольно пересекался с его глазами, что одиноко смотрели через белую протезную маску на лице. Это уличный скрипач. В мгновение этого внезапного визита мне больше всего на свете хотелось услышать от врачей: «Нет, эта палата не годится, поселим его в другую». Но я ничего не услышал. Его завели молча, и также молча он лег на кровать, стоявшую противоположно моей. Мне хотелось быть одному и тихонько строить планы на свое будущее! Хотя он и лежал, молча смотря в потолок, это никак не дисквалифицировало мой дискомфорт!

День первый. В палате нас двое. Я пристально, но не заметно рассматриваю новичка. Вакуум палаты наполнен относительной тишиной. В отсутствии привычных тебе звуков невольно начинаешь слышать основополагающие природы шума. И угораздило же его сойти с ума до моей выписки! Теперь лежи и будь готов к любым действиям непредсказуемого гостя. Сейчас намотрится на потолок и побежит сворачивать всем головы на 90 градусов, а потом вырежет себе кадык осколком разбитого глиняного горшка из-под цветка. Бред какой-то! Это же безобидный скрипач. Все это дефицит информации! Невольно начинаешь приписывать незнакомцу недостатки, какие-то действия, эмоциональное настроение, чтоб ликвидировать смысловую неурядицу. Парень просто лежит и молчит, а я уже внес его в список опаснейших преступников... Не могу уснуть... В тишине мысли громче...

День второй. В неодушевленных предметах одиночество рождает излучение живой энергии. Они приобретают лица... Я рисую пальцем на коленке что-то вроде огненного шара, объятая синим пламенем. Рисунок виден только мне, поэтому я не испытываю чувство стыда за столь нелепую абстракцию... Я бы сошел с ума, если б столько времени смотрел в потолок, мне и 20-ти минут хватило, чтоб понять это... Кап-кап... Стоит только услышать, как тикают часы или где-то капает вода из крана, все, уже как не пытайся заставить себя отвлечься, ничего не выйдет. Это как рисунок с зашифрованным изображением, сначала видишь просто «кашу», а как только разглядишь в ней очертание какого-то образа, уже не сможешь увидеть снова ту самую «кашу»... Я не вижу глаз новичка, поэтому мне кажется, что он спит... Кап-кап... Как не старайся запечатлеть момент перехода от вечера к ночи, ничего не выйдет, все настолько плавно и аккуратно, что идея становится глупой. Кап-кап... но ведь нужно же было когда-то попробовать...

День третий. Когда ничего не делаешь, совокупность всех дней суммируется в один длинный отрезок времени. Нынешний день отличается лишь одним из природных явлений. Когда я проснулся, он уже лил напропалую. Наша планета, как и мы, любит принимать душ... За эти дни нас ни разу не побеспокоили, ни врачи, ни уборщица, ни один из пациентов... Голода и жажды не было. Многие доктора прописывают своим пациентам подобные диеты, но стоит тебе сказать: «Не ешь три дня», – ты убедишься, насколько высоко забралась на трон твоя плоть... Дождь стучал в мое окно, и я открыл ему, получив в награду глоток чистейшего, свежего воздуха. Пахнет небом... Капли на окне размывают образы соседних домов... Окружающие меня вещи и события – это память, и только ей все ценится... Самые приятные образы приходят из глубин подсознания... Сколько всего вокруг, и все это чьи-то материализованные мысли. Ученые изучают человеческий мозг мозгом, и не могут его понять... Дождь все идет, а на улице уже вечер. Я снова не заметил, как он настал... Сегодня капающая вода из крана проявила

снисхождение моему терпению. Кап-кап... А нет, все еще капает, стоило только вспомнить о ней...

– Чтобы что-то изменить, нужно, чтоб тебя это достало.

Я медленно повернул голову и посмотрел на соседа, я уже и забыл, что тут кто-то есть.

– Ты согласен со мной? – он тоже повернул голову и пристально посмотрел мне в глаза.

– Ну... я... да... наверно, – не думал, что за три дня молчания можно разучиться говорить. Мой голос так чужд для меня.

Окружающие меня события кажутся мне нереальными. Остались считанные дни до подписи главного врача внизу моего бланка с выпиской, а он внушает мне абсурдную идею.

– Дождь – предвестник начала, он что-то вроде выстрела на старте для нас.

Своим молчанием я даю понять, что не понимаю, о чем идет речь.

– По-твоему, все происходит случайно? А если в следующий раз дождь пойдет только через полгода?

Нет, нет, я не буду его слушать, это очередной фанатик своей собственной реальности, только с хорошим талантом убеждать.

– Причем тут я? – говорю ему. – Это твое дело, я не хочу в него ввязываться.

– Сегодня суббота, на улице дождь, и ты больше не хочешь тут находиться.

Пассивный образ жизни дает о себе знать в такие моменты. Мои жилы натянуты подобно стальному тросу, мышцы наполняются солью, а сердце карданом стучит с внутренней стороны грудной клетки. Я вымок до нитки. Кровь требует нереальный объем кислорода, она бежит по моим венам, напором вымывая мышечную соль. Повышается температура тела. Потовые железы брызжут охлаждающей жидкостью. Все сковывает свинцом, но я продолжаю бежать. Мой страх, резко переходящий в панику, вызывает неудержимый смех, из-за чего дыхание сбивается еще больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.